

давания восточных языков в Казанском университете, который проявлял Мусин-Пушкин, происходил не от желания славы или из стремления угодить интересовавшемуся этим вопросом министру С.С. Уварову⁹, но от искреннего понимания государственного значения преподавания восточных языков в России.

Усилия Мусина-Пушкина, которым, несомненно, сочувствовал и Лобачевский, увенчались успехом. Тогда как до 1827 г. преподавание ограничивалось только персидским, арабским и турецко-татарским языками, в период от 1827 г. до 1845 г. последовательно были открыты кафедры монгольского (1833 г.), китайского (1837 г.), санскритского (1842 г.), армянского (1842 г.), манчжурского (1844 г.) и предполагалось учреждение кафедры тибетского языка, для изучения которого и был прикомандирован к пекинской духовной миссии талантливый кандидат Казанского университета. Сочувствуя развитию преподавания восточных языков, Лобачевский обдумывал вопрос о средствах привлечения студентов на разряд восточной словесности и считал в этом случае нужным "испросить у правительства, чтобы студенты, окончившие курс учения восточных языков, были принимаемы в иностранную коллегию, притом без экзамена, с одним аттестатом от университета".

Но и развитие других факультетов университета не менее озабочивало Лобачевского. Так, во втором же своем письме к Мусину-Пушкину Лобачевский обращает внимание на необходимость "вывести медицинский факультет, сравнивая его с Московским". "Всего лучше, думаю, можем успеть возвысить его, если возьмем за образец Медико-хирургическую академию".

Вообще, если отчет о состоянии университета за 17 лет мог с правом констатировать расширение университетского преподавания, мог указать, что на всех разрядах по каждой науке важнейшие ее отрасли стали преподаваться отдельно, то в большой мере университет был обязан этим своему влиятельному ректору. От его внимания к нуждам университета, от его разностороннего образования и широкого понимания значения науки не ускользали недостатки преподавания даже в науках, далеко отстоящих от его специальности.

В этом отношении очень характерно сохранившееся в делах попечительской канцелярии представление Совета о дозволении избрать помощника библиотекаря Фойгта адъюнкт-профессором университета и о поручении ему чтения лекций общей литературы¹⁰. Казалось бы, что это дело не может представлять особого интереса для биографии творца неевклидовой геометрии, а между тем именно из него мы узнаем, что одно из важнейших улучшений в преподавании на разряде общей словесности – введение отдельного преподавания истории общей литературы – обязано инициативе Лобачевского. Его предложение, написанное его своеобразным, сжатым слогом, настолько характеризует и широту его образования, и его взгляды на цель университетского образования, что оно не может не быть приведено *in extenso*^{3*}.

^{3*} Подробно, полностью (лат.)

”Всем ученым, занимающимся литературой, известны сочинения Шлегеля¹¹, Эйхгорна¹², Жарри¹³, Манси¹⁴, Виллемена¹⁵, Рио¹⁶ и многих других. С удовольствием знакомится всякий с исследованиями сих знаменитых литераторов и невольно увлекается мыслию при общем взгляде на умственные произведения, качества слога, предметы красноречия, на побудительные причины, дух времени, гениальные образы, которые послужили правилом для подражания. Любопытно узнавать постепенность усовершенствования и следовать за ходом ума, который является здесь подчиненным общему влиянию исторических происшествий, гражданских постановлений и степени образованности. Весьма поучительно из целой огромной массы произведений, чисто эстетических, уметь извлекать те начала, которые их произвели, со всем разнообразием, которых признаки везде отыскиваются, и которые тесно связаны с началами нравственными, народного правления, государственными отношениями, с промышленностью и с успехами вообще во всех науках. Весьма полезно видеть, куда наклоняется изящный вкус писателей и какой должен достигнуть он цели, чтобы, остановившись на время здесь, открыть новое поле для своей деятельности.

Итак, много будет недоставать хорошо воспитанному юноше, если его лишить познаний, которые поучают, как должно смотреть на успехи всей словесности и видеть, от чего происходит усовершенствование отечественного языка”. Лобачевский, как ректор, нашел поэтому полезным предложить Совету открыть лекции общей литературы, в этом случае следуя примеру многих иностранных университетов в Западной Европе¹⁷.

В изучении классических для того времени сочинений по истории общей литературы и религии для Лобачевского представляла, видимо, особый интерес возможность следить за ходом развития человеческой мысли. История литературы, изучение произведений эстетических, интересовали его, главным образом, по их связи с историческими происшествиями, с государственными отношениями, с развитием промышленности, с успехами наук.

Это понимание связи наук и литературы, с одной стороны, успехов промышленности и государственных отношений, правил нравственности и форм правления, с другой, которое в сжатой форме выражено Лобачевским в этой бумаге, естественно, заставляло Лобачевского относиться с особенною любовью к университету, как *”Universitas litterarum”*^{4*}. В университете ”свойственное человеку желание превосходить других” дает наиболее высокие и ценные плоды. В широком университетском объединении может скорее встретиться человек, который ”высокими познаниями составляет славу и честь своего отечества” и авторитетом своего высшего умственного и нравственного склада поднимает окружающую его среду. На примере самого Лобачевского мы видим, какое значение может иметь такой человек. Но университетское объединение не должно быть только внешним и механическим объединением в одном здании; оно

^{4*} Товарищество мужей науки (лат.).